

В давние времена стояла безымянная гора с безымянным даосским храмом на вершине.

Настоятельница храма выглядела как женщина лет тридцати, с безмятежным выражением лица. Она стояла у входа, вглядываясь вдаль, и уже провела так около получаса. Ученики сновали туда-сюда, не осмеливаясь задавать вопросы.

Спустя некоторое время один из учеников поспешно вернулся, почтительно поклонился и что-то шепнул ей. Она слегка кивнула, и ученик удалился.

Дни шли своим чередом: ученики сажали овощи, тренировались, собирали травы, изредка спускались с горы.

Настоятельница звали Вольный практик Баошань. Даже ученики не знали её мирского имени или возраста. Внизу, у подножия горы, ходили слухи, что ей уже сто тридцать лет, но она сохраняла облик тридцатилетней женщины. Среди её учеников были и седовласые старики, и дети, только начинающие ходить. Большинство из них были сиротами, которых она или её ученики подобрали у подножия горы.

Прошло уже полмесяца с тех пор, как старший брат вернулся с горы. Чи Хуэй, пользуясь возможностью доложить о своих успехах в тренировках, хотела что-то сказать, но сдерживалась. Баошань давно заметила это, но не стала спрашивать.

Чи Хуэй тоже была сиротой, подобранной Баошань у подножия горы. Тогда её, завернутую в тонкую пелёнку, нашли на берегу пруда, где она громко плакала. Ей дали фамилию Чи, что означает «пруд», и имя Хуэй. Её красота и талант выделялись среди учеников, и она была самой любимой ученицей Баошань.

Чи Хуэй опустила голову и сказала:

— Ученица знает о деле пятого старшего брата.

Баошань спокойно ответила:

— С того момента, как он спустился с горы, он больше не мой ученик. Жив он или мёртв, праведник он или злодей — всё это не имеет ко мне отношения.

Чи Хуэй продолжила:

— Но, учитель, вы всё же беспокоитесь о нём, не так ли?

Баошань промолчала.

Чи Хуэй долго молчала, словно собираясь с духом, и наконец дрожащим голосом произнесла:

— Учитель, я тоже хочу спуститься с горы.

Баошань ответила:

— Как скажется судьба. Но помни: если ты спустишься, обратного пути не будет.

Чи Хуэй ничего не ответила, глубоко поклонилась и вышла.

Десять дней спустя.

Чи Хуэй дошла до бамбуковой рощи за пределами Гусу, как вдруг услышала вдалеке звуки ударов мечей. Она тут же сосредоточилась, стараясь не быть замеченной, и присела за небольшим холмом.

Мужской голос средних лет гневно воскликнул:

— Бай Цюсянь, опять ты!

Молодая женщина ответила:

— Это я! Давно не виделись, старейшина Лань!

Молодой мужчина поспешно сказал:

— Дядя, остановитесь!

Звуки мечей постепенно стихли, послышался скрежет клинков, вкладываемых в ножны. Чи Хуэй слегка приподнялась и стала наблюдать через щели в бамбуке.

Она увидела высокую женщину в белом, стоящую лицом к группе мужчин, также одетых в белое. На мужчинах были налобные ленты и одежды с узорами в виде облаков. Во главе стоял мужчина средних лет с козлиной бородкой, рядом с ним два молодых человека: один постарше, лет восемнадцати-девятнадцати, другой помладше, лет шестнадцати-семнадцати. Их белые одежды развевались на ветру, создавая впечатление небожителей, спустившихся с небес. Они стояли боком к Чи Хуэй, и их лица было плохо видно.

Чи Хуэй, глядя на их наряды, подумала: «Неужели это клан Гусу Лань, которого я искала? Какая удача!» Она уже хотела подойти, но решила, что их дело может быть непростым, и, заинтересовавшись, продолжила слушать.

Мужчина средних лет сказал:

— Бай Цюсянь, зачем ты снова заступаешься за эту змею? Сегодня она сама пришла сюда!

Женщина по имени Бай Цюсянь ответила:

— Не знаю, какие обиды между тётушкой Цин и старейшиной Лань. Но вы не знаете, что тётушка Цин спасла мне жизнь в детстве. Сегодня я случайно оказалась здесь и не могла не вмешаться.

Молодой мужчина постарше добавил:

— Бай-гуннян, вы не знаете, что одна из змееоборотней из их клана влюбилась в смертного мужчину и высасывала из него энергию для своей практики. Мужчина слабел день ото дня и в конце концов умер без лекарств. Мой дядя был призван его родителями, чтобы уничтожить зло. А теперь эта змея пришла сюда мстить.

Внезапно кто-то на земле приподнялся и слабым голосом сказал:

— Враньё!

Чи Хуэй только сейчас заметила лежащего на земле человека. Голос был очень тихим, волосы растрёпаны, зелёная одежда испачкана кровью, а вместо ног у неё был змеиный хвост. Это, должно быть, и была та самая змея, которую Бай Цюсянь называла «тётушка Цин». Видимо, она была тяжело ранена и едва могла сохранять человеческий облик.

Тётушка Цин, тяжело дыша, продолжила:

— Всё было не так! Молодая змея из моего клана искренне полюбила смертного мужчину, и он знал, что она змея, но всё равно хотел быть с ней. Со временем мужчина отравился змеиным ядом, и она пожертвовала пятьюстами лет своей практики, чтобы получить противоядие, отказавшись от своего бессмертия ради жизни с ним. Её практика была ещё слаба, и после обмена она едва могла сохранять человеческий облик. Но ваш Лань Суннянь перехватил её на полпути и убил, а мужчина умер без лекарств! Мы, змеи, редко общаемся с людьми. Когда я узнала, что молодая змея влюбилась в смертного, я пыталась её отговорить, но она не послушалась. Если бы она убила его ради своей практики, я бы не пришла сюда мстить!

Услышав это, Лань Суннянь побледнел, но всё же не мог смириться с потерей лица и гневно сказал:

— Одни слова! Люди — это люди, а звери — это звери. Даже если они искренне любят друг друга, они должны понимать, что люди и звери — разные пути! Бай-гуннян, ты так путаешь добро и зло, твой учитель...

Бай Цюсянь прервала его:

— Простите, старейшина Лань, но разве вы не поверили одному лишь слову? Не зная правды, вы убили молодую змею, и мужчина тоже умер! Вы погубили пару, которая просто хотела жить обычной жизнью! А вы ещё упоминаете моего учителя. Именно он научил меня различать добро и зло. Некоторые звери добрее людей, а некоторые люди злее зверей!

Лань Суннянь был так зол, что не мог говорить.

Молодой мужчина успокоил Лань Сунняня и поклонился Бай Цюсянь:

— Бай-гуннян, похоже, здесь недоразумение. Мой дядя действовал по просьбе, и молодая змея действительно причинила вред. Люди и звери действительно идут разными путями, и лучше держаться подальше друг от друга.

Бай Цюсянь наконец взглянула на молодого мужчину и сказала:

— Так это ты — Цинхэн-цзюнь, самый молодой глава клана Лань, Лань Минь Лань Цичжи?

В её голосе звучало пренебрежение, что было неприятно слышать, но Лань Минь всё же мягко ответил:

— Именно я.

Молодой человек рядом с ним не выдержал и сказал:

— Наш клан Лань уважаем всеми в мире культиваторов. Мой старший брат — молодой и талантливый, его называют Цинхэн-цзюнь. Дерзкая девушка...

Бай Цюсянь улыбнулась:

— Девушка? Мой учитель был учеником друга третьего главы вашего клана. Сами посчитайте, сколько поколений прошло с тех пор? Получается, я ваша старшая, ха-ха-ха...

Это было просто кощунственно. Лань Суннянь так разозлился, что его борода затряслась. Лань Цичжи мягко улыбнулся и ничего не сказал, а молодой человек вскричал:

— Девушка, как ты смеешь так говорить! Где твои манеры?

— Цижэнь! — Лань Цичжи посмотрел на него, и хотя его голос был мягким, в нём звучала непреклонность.

Лань Цижэнь замолчал.

Чи Хуэй, прячась за бамбуком, подумала: «Какая смелая девушка. Подождите, „ученик друга третьего главы клана“?»

Обе стороны долго молчали, и Лань Цичжи сказал:

— Бай-гуннян, как продвигается расследование исчезновения вашего учителя?

Услышав это, Бай Цюсянь потупила голос:

— Пока безрезультатно.

Лань Цичжи искренне сказал:

— Не беспокойтесь, добрые люди всегда под защитой. Ваш учитель обладает высокой духовной силой и мастерством владения мечом, он сможет защитить себя. С тех пор как он спустился с горы десять лет назад, он помогал слабым и боролся со злом, заслужив уважение тысяч. Это не только ваше дело, наш клан Лань тоже постарается помочь в поисках.

Чи Хуэй подумала: «„Учитель“, „десять лет назад“?»

Бай Цюсянь смягчила голос:

— Благодарю вас, глава Лань.

Лань Цичжи ответил:

— Не стоит благодарности, это наш долг.

Лань Суннянь взглянул на тётушку Цин на земле:

— Сегодня ради Бай-гуннян я пощажу тебя. Люди и звери идут разными путями, так что держись подальше и не выходи вредить людям. Контролируй своих подопечных. Ты помнишь, что было сорок лет назад...

Тётушка Цин, держась за грудь, тяжело дышала и не могла говорить, только гневно смотрела на него.

Лань Суннянь встряхнул рукава, фыркнул, взглянул на Лань Цичжи и ушёл.

Лань Цичжи посмотрел в сторону удаляющегося дяди, затем повернулся к Бай Цюсянь:

— Бай-гуннян, до встречи.

Бай Цюсянь поклонилась, ничего не сказав.

Лань Цичжи ушёл, но затем обернулся, чтобы взглянуть на неё. Бай Цюсянь, наклонившись, помогала тётушке Цин подняться и не заметила его.

Тётушка Цин, тяжело дыша, сказала:

— Ещё раз благодарю вас за спасение.

<http://bllate.org/book/15280/1348917>